

ПОЭТИКА «ВИНЬЕТОК» А. ЖОЛКОВСКОГО

Аннотация

Подденежная Е.В. Поэтика «виньеток» А.Жолковского.

Статья сфокусирована на проблеме выделения специфических категорий поэтики, свойственных для выбранной автором жанровой модели «виньеток». Показана интерпретация категории «афористичность» в контексте анализа произведения А.Жолковского «Единый принцип и другие виньетки». В статье предложена классификация «виньеток» по ряду доминантных признаков.

Ключевые слова: «третья волна» русского зарубежья, афористичность, фрагмент, автобиографизм.

В 1970-е годы началось движение «третьей волны» эмиграции на Запад, а главными темами эмигрантского творчества этого периода стали роль писателя и функция литературы по отношению к жизни в метрополии. Интерпретации «знаковых» произведений русской литературы, реконструкция писательского статуса *читательских* текстов стали актуальным исследовательским полем для профессиональных славистов «русского зарубежья» третьей волны. Наиболее заметной фигурой среди них является А.Жолковский, известность которому принесли написанные в 1960–1970-х годах работы по структурной семантике и «поэтике выразительности».

Целью данной статьи является анализ «виньеток» А.Жолковского в контексте афористичности, как жанрообразующей категории.

«Единый принцип и другие виньетки» А.Жолковского, вдохновленные «филологической» мыслью автора, искусно «приправленные» бытовым и метафизическим материалом, продолжают историю жанра, начало которого было положено А.Жолковским в 2000 году. В 2003 году автор впервые собрал «виньетки» в одну книгу и издал ее под заголовком «Эросипед и другие виньетки».

«Единый принцип и другие виньетки» состоят из 13 фрагментов, опубликованных в журнале «Новый мир» в 2011 году: *Чему вас учут?!, Stranger than fiction, Privacy and its discontents, Единый принцип, Коэффициент гибкости, Грозный, но не Terrible, Красота по-американски, Трудности перевода, Из истории звукозаписи, Неизданный Вознесенский, Имя-отчество как таковое, Напрасно вы тогда..., Table talk.*

Жанровая дефиниция, к которой прибегает автор, довольно оригинальна и весьма условна. Обозначение «виньетка» информирует читателя об экспериментальном характере произведения, обозначая способ восприятия структуры самого текста.

Жанр, обозначенный А.Жолковским, вызывает ассоциации с «Записными книжками (1813-1848)» П.Вяземского, с эссеистикой В.Розанова, с «записными книжками» Л.Гинзбург. Но сам автор, увлеченный «филологической игрой», идет в его разработке гораздо дальше своих потенциальных предшественников. Это связано с его творческой установкой на «открытость и незавершенность». Каждый отдельный фрагмент является частью целого. Произвольное расположение «виньеток», их полиаспектность и мозаичность дает возможность составить из них некий художественный рисунок, что, в свою очередь, связано и с этимологией слова «виньетка», которое обозначает небольшое, композиционно завершенное графическое изображение предметного или сюжетно-тематического характера (часто с символическим или аллегорическим значением) или орнаментальную композицию, помещаемую на внешних элементах книги или особых ее страницах.

А.Жолковский, комментируя «виньетки», утверждал:

«Слово “виньетка” в близком значении легко встретить в английском и французском языках, а на русской почве, наверное, действительно ввел его в качестве жанрового обозначения “я”. Виньетка – это художественное изделие, требующее обработки и отбора, а вовсе не любой занятый эпизод из жизни. Виньетка – это не просто байка, виньетка – это литературный факт по Тынянову. Слово «виньетка» как описание словесного жанра богаче развито в английском языке. Когда по-английски рассказывается или записывается что-то нецентральное, неглавное, необязательное, развлекательное, изящное, то это – “vignette”. По-русски же я в этом отношении более или менее новатор» [1].

Сложная архитектура «авторского жанра» обусловлена разнообразием макроструктур, организующих художественный дискурс про-

изведения. В числе которых выделяем: автобиографизм, беллетризацию и афористичность, производными от которой являются макроструктуры образности, эмоциональности, информационной емкости.

Анализ художественной природы афористичности как определяющей своеобразие жанровой и стилистической природы произведения позволит составить целостное представление о категории жанра, стиля и воплощенной в них авторской картине мира.

Сущность афоризма достаточно давно является предметом литературоведческих и художественных поисков, как в отечественной, так и в европейской теории афористичности. В частности, проблема жанровых границ афоризма исследована в работах (Е.Ю. Вагановой, А.В. Корольковой, Л.И.Сокольской, Н.Т.Федоренко). В монографии «Афористика» Н.Федоренко и Л.Сокольской подчеркивается, что афоризмы «вливают на сознание людей глубокой внутренней правдой, всесторонним философским осмыслением явления. Хотя они не имеют доказательств, но и не поражают неожиданностью, они вполне логичны...» [2,26].

Специфическими чертами афоризма являются: философичность, устойчивость, художественность, неожиданность и оригинальность суждения, постулативность и системность.

В целом же, определение афоризма является размытым и неоднозначным, что во многом обусловлено его спецификой. Так, в статье Л.В.Успенского «Коротко об афоризмах» читаем, что афоризм является «типом высказывания, позволяющим без доказательств, без сложной аргументации, единственной силой изошренной неожиданности формулировки убеждать чистым утверждением, не столько доказывая, сколько поражая» [3, 23-24]. Традиционно считается, что афоризмы бывают вводными, то есть включенными в текст произведения, и обособленными, самостоятельными (так, например, «Максимы» Ларошфуко, афоризмы Г.Лихтенберга, «Плоды раздумья» К.Пруткова).

Альтернативное понимание афоризма связано как раз с тенденцией обозначения афоризма как «кратчайшего эссе». Такая трактовка наделяет афоризм поэтической неопределенностью и фактически противопоставляет понятию учености, соответствуя, таким образом, «целому образу мышления («импрессионистического», такого, которое стремится острым, лаконичным замечанием привести в движение, возбудить в читате-

ле огромный мир всего того необъятного, что становится предметом жизненного переживания.

Собственно такая природа афористичного жанра является актуальной для литературы «русского зарубежья», и связана, во – первых, с процессом столкновения разных культурных стереотипов, когда элементы собственной и чужой культуры сливаются воедино, когда «ментальные изменения» и «скачки», понижающие все сферы социума эмиграции фактически обрекают писателя-эмигранта на преодоление «маргинальности» и способствуют освоению им других культурных кодов.

Во-вторых, расцвет афоризма исторически совпадает с переходными эпохами культуры: так, например, кризис идей Возрождения сделал возможным появление книги Монтеня «Опыты», моралистика XVII–XVIII веков была инспирирована изменением философской парадигмы и проблематизацией человека и его нравственности в XVII в. Афоризм в это время становится явлением повседневной культуры и проникает во все литературные жанры. Мир, увиденный сквозь его призму, предстает изменчивым, многообразным, становится диалектичным и не поддается универсализации.

В процессе исторического развития афоризм эволюционировал от фиксации «общих мест» к индивидуально осмысленной закономерности. В обоих случаях присутствовала претензия на истинность высказывания, но в античном афоризме это была универсальная истина, а в моралистике XVII–XVIII вв. – истина «для себя» и «о себе». Концептуальная установка эпохи «мнение правит миром» высвободила в афоризме семантический потенциал, присущий анекдоту, а принципиальная невозможность карнавального смеха в условиях абсолютизма привела к высвобождению в афоризме игрового начала и актуализации парадокса как типа высказывания.

Жанровая связь с традиционным афоризмом в «Виньетках» сознательно скрыта автором. А.Жолковский реконструирует укорененный в европейской традиции жанр «афоризма», творчески используя его тематический и стилистический потенциал. Сам текст содержит критерии, позволяющие отнести «Виньетки» к афористическому жанру, а именно: целостность, образность, оценочность, возможность интерпретации уни-

версальных категорий как множества частных примеров, дискурс авторского образа.

Одной из главных жанровых особенностей «виньеток» является присутствие автора в качестве персонажа. Его ключевая функция реализуется в рамках оппозиции «афористичность-ученость». Являясь профессиональным интерпретатором литературных текстов, А.Жолковский представлен в произведении в качестве субъекта – посредника во взаимодействии текста как воплощения культурного опыта и жизни ученого-филолога, которая превращается в литературный сюжет. Наблюдается стремление автора связать условный сюжет с современностью, создать своего рода ироническую дистанцию по отношению к действительности, когда прошлое существует одновременно с настоящим и «виньетки» воспринимаются как пересечение узанных сюжетов, как «чужие тексты» в собственной жизни, как определенные трафаретные схемы.

Так, в первой виньетке «Чему вас учут?!» в лаконичной форме определяется цель всей книги, которая декларируется как диалог с классикой:

«По контрасту, который и не дает этому диалогу уйти в прошлое. Ведь счеты у нас сегодня не с классиками (они – какие есть, такие и есть), а с их блюстителями, то иступленно топающими на каждое “не совсем” ногами, то насупленно его замалчивающими. Дело не в Ольге, а в том, что образ Пушкина (Хлебникова, Ахматовой...) не совсем – или чересчур? – удался литературному истеблишменту» [4].

А. Жолковский уходит от традиционного понимания афоризма как воплощения «учености». Незамеченное становится очевидным и факторизуется из диалога ученика и школьной учительницы:

«А на днях всплыло нечто из чуть ли не 40-х: “Образ Ольги не совсем удался Пушкину”. Это написал в школьном сочинении какой-то ученик, видимо, 8-го класса (мне рассказал его одноклассник). Гнев учительницы не имел границ: – Что ты пишешь?! “Образ Ольги не совсем удался Пушкину”! Чему вас учут? Разве вас учут, что не удался?! Вас учут, что удался!.. Двойка!!.» [4, Там же].

В виньетке «Stranger than fiction» фиксируется явление «*déjà vu*» в качестве повторяющихся авторефлексивных образов, фигурирующих в контексте всего фрагмента. Так автор в попытках определения границ писательской идентичности в ироничном ключе называет «Легкое дыхание» Бунина «Тяжелым пыхтеньем» [4]. Иронический код реноминации утрируется историей, действующими лицами которой оказываются Лев

Толстой и его «ближний круг»: «Сюжет заиграет еще более яркими красками, если знать, кто его участники. Рассказчица – Татьяна Львовна Сухотина-Толстая (1864–1950), воспоминания которой были опубликованы в России лишь четверть века спустя после ее смерти в эмиграции (в Риме). Дело происходит году в 1870-м. Папа, то есть не просто папа, а папа, – это Лев Николаевич Толстой. П. Ф., выигрывающий у него пари, поставив на свою импортную лошадь против его отечественной, – Петр Федорович Самарин, тульский помещик, член известной семьи славянофилов» [4].

«Stranger than fiction» одержит большее количество смыслов, чем те, которые лежат на поверхности, что также можно считать свойством афоризма, как, собственно, и эффект неожиданности, доминантный в этом конкретном случае. Ведь сначала автор рассуждает о «монтаже наличных текстов» [4], затем переходит к ироничному обыгрыванию классики, ставя перед американскими студентами задачу «вырезать из текста Куприна «Гранатовый браслет» и склеить в единое повествование ровно столько текста, сколько у Бунина в «Легком дыхании» [4] и завершает все это тотальным комическим пародированием на основе мнимых или действительных алогизмов.

Здесь автора можно упрекнуть в тенденциозности, отсутствии «художественного вкуса» или «псевдолитературности», но сам А.Жолковский, позиционировавший себя как «бывшего лингвиста и семиотика» определяет специфику повествования в «Виньетках» следующим образом:

«Невымысленность для меня главный признак жанра. Жанровые ограничения, бросающие дополнительный творческий вызов, бывают как формальными (например, требование соблюсти формулу сонета или обеспечить неожиданность сюжетной развязки), так и тематическими (поведать о подвигах древнего богатыря или раскрытии преступления частным детективом). Так вот, по форме от виньетки ожидается краткость, а по содержанию – честность» [5].

«Невымысленность», которая определяется А.Жолковским как «главный признак» жанра, не противоречит чисто беллетристическим принципам самого повествования, таким как: нелинейность событийного контекста, гипертекстовая структура самого произведения, что позволяет читать «виньетки» в любом порядке, и фактически каждая из них является афоризмом. Сам автор в «Виньетках» обладает не условными ха-

рактическими, а вполне конкретными. Следуя канонам автобиографического жанра, он – откровенен, правдив, доверителен и вполне искренен.

«Виньетки», входящие в «Единый принцип», можно классифицировать по ряду доминантных признаков:

1) Событийность: В виньетках «*Privacy and its discontents*», «Единый принцип», «*Коэффициент гибкости*»;

2) Ирония: «*Грозный, но не Terrible*»;

3) Парадоксы коммуникации: «*Красота по-американски*», «*Трудности перевода*»;

4) Демифологизация: «*Неизданный Вознесенский*»

5) Интермедальность: «*Table talk*».

6) Кинослово: «*Stranger than fiction*», «*Красота по-американски*», «*Трудности перевода*».

Представленная типология демонстрирует сосредоточенность автора на темах рефлексии современной культуры, при этом за основу берется биографический случай, приобретающий черты «диалога культур», с актуализацией множества кодов: ментального, языкового, национального и культурного.

Читатель, таким образом, включается в глобальный опыт, основой которого является литературная реальность. Примером такой тематической трансформации является виньетка «Грозный, но не Terrible». В ней в рамках остроактуальной эмигрантской проблематики актуализируется комплекс вопросов, связанных с Россией и Западом, в аспекте сохранения ее национальной и культурной идентичности. Жолковский не берет за основу трактовать обозначенную проблематику в контексте «двойственности» русской природы или же акцентировать внимание на отсутствии в ней нравственного стержня. Напротив, его цель – анализ маргинальных явлений литературного процесса. Виньетка, начало которой посвящено собственно правильности перевода «Иван Грозный» на английский язык как «*Ivan the Terrible*», в финальной ее части реализует свой давний проект развенчания культа Ахматовой и штампов ахматоведения.

«А ведь культурная женщина, с раннего, как выражался Паниковский, времени, окончившая гимназию, и отнюдь не из красных, хотя зналась как с земщиной (Гумилевым, Анрепом), так и с опричниной (Лурье, Пуниным, Лукниц-

ким)... Или она просто не до конца дочитала (царствованию Грозного у Ключевского посвящены главы 28–30, и сначала говорится о попытках благотельных реформ)? Или дело... в некоем родстве душ – в фиксации “Анны вся Руси” на идее власти и самоотожествлении с великими властителями?» [4].

А. Жолковский анализирует механизм создания авторской мифологии, в первую очередь, нацеливаясь на себя и на собственные творческие мотивы и эстетические установки.

Все виньетки – динамичны и подвижны настолько, что может показаться, что в них отсутствует связь с той почвой, которая их собственно продуцировала. Такое впечатление является вполне обоснованным, так как виньетка в редуцированном виде воспроизводит процесс мышления, который является в своей основе фрагментарным, парадоксальным и противоречивым. Возникает впечатление каталога афоризмов, разнообразных суждений, разнообразных фактов, для которых не свойственна сюжетная или логическая последовательность. Повествование не объективировано, разворачивается в виде субъектных авторских размышлений.

В виньетках А. Жолковский априори сомневается в предшествующем опыте, низвергает стереотипы мышления и сознания, разрабатывает собственный индивидуальный миф «бывшего лингвиста и семиотика».

Виньетки А. Жолковского сталкиваются между собой, спорят, продолжают друг друга и в итоге формируют иллюзию единого течения и сюжета афористичного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александр Жолковский: «автор-персонаж, из самых уязвимых». – Эл. ресурс: <http://www.e-slovo.ru/255/12poll.htm>
2. Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. – М.: Наука, 1990. – С.26
3. Успенский Л.В. Коротко об афоризмах // Афоризмы. – Л.: Лениздат, 1964. – С.23-24
4. Жолковский А. Единый принцип и другие виньетки // Новый мир. – 2011. – № 10. – Эл. ресурс: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2011/10/zh8.html.
5. Жолковский А. Звезды и немного нервно. Мемуарные виньетки. – Эл. ресурс: <http://lib.rus.ec/b/437412/read>

Анотація

Подденежна О. В. Поетика «віньєток» О.Жолковського.

Стаття сфокусована на проблемі виділення специфічних категорій поетики, властивих для обраної автором жанрової моделі «віньєток». Показана інтерпретація категорії «афористичність» у контексті аналізу твору О.Жолковського «Єдиний принцип та інші віньєтки». У статті запропоновано класифікацію «віньєток» за рядом домінуючих ознак.

Ключові слова: «третья хвиля» російського зарубіжжя, афористичність, фрагмент, автобіографізм.

Summary

Poddenezhnaya Ye. V. The poetics of A.Zholkovskiy's "vignettes".

The article focuses on the problem of isolating specific categories of poetics inherent to the author of the selected genre model "vignettes." Shows the interpretation of the category "aphoristic" in the context of the analysis of the product A.Zholkovskogo "One principle and other vignettes." The classification of "vignettes" are proposed in the article.

Key words: the "third wave" of Russian emigration, aphoristic, a fragment, autobiography.

Статья поступила в редакцию 1.10.2013.

УДК 821.161.1 "19"

И. В. Забияка

(Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко)
E-mail: zabijaka@amik.ru

**ФУНКЦИИ ПРОТАГОНИСТА В ПОВЕСТИ
«ШАПКА» В. ВОЙНОВИЧА**

Аннотация

Забияка И. В. Функции протагониста в повести «Шапка» В. Войновича

На основании теорий Ю. Лотмана, А.-Ж. Греймаса, Э.М. Форстера о функциях и типах характеров проанализирована повесть «Шапка» В. Войновича. Обозначены функции протагониста-действителя: формирование сюжета и персо-